ВИТЕБСКЪ. Тридцать восьмой г. 4-го декабря.

(Существуютъ съ 1874 г.).

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

1911 ГОДЪ.

ЦѢНА: за годъ **пять** руб. **50** к., за полгода—**три** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается у оо. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи „Вѣдомостей", при Витебскомъ Епархіальномъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ.

Редакція проситъ оо. и гг. сотрудниковъ, что рукописи, присылаемыя въ Редакцію для напечатанія, должны быть написаны **разборчиво и четко на одной страницѣ. Не разборчивыя рукописи не подвергаются разсмотрѣнію.** Рукописи безъ означенія условій считаются **безплатными.** Авторы, желающіе имѣть отдѣльные оттиски своихъ статей, заявляютъ о томъ **на самой рукописи,**—оттиски дѣлаются за особую плату по счету типографіи. Статьи, не принятыя Редакціей, по желанію высылаются авторамъ за ихъ счетъ—(по присылкѣ нужнаго количества марокъ) обратно, невостребованныя статьи по истеченіи года уничтожаются. Мелкія замѣтки—не болѣе писаннаго листа—возврату не подлежатъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Оффиціальный отдѣлъ.

Движенія и перемѣны по службѣ.

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Исключаются изъ списковъ за смертью:

— Настоятель Бѣшенковичской церкви, Лепельскаго уѣзда, Іоаннъ **Фащевскій**—съ 17 ноября сего 1911 года.

Священникъ Неведрянской церкви, Невельскаго уѣзда, Іоаннъ **Завилейскій**—съ 14 ноября сего 1911 года.

— Священникъ Двонской церкви, Лепельскаго уѣзда, Ипполитъ **Дейлидовичъ**—съ 22 ноября сего 1911 года.

Назначается:

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 26 ноября сего 1911 года за № 6600, сынъ священника Симеонъ **Пименовъ**, согласно прошенію,—и. д. псаломщика къ Шатиловской церкви, Полоцкаго уѣзда.

Перемѣщается:

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 26 ноября сего 1911 года за № 6677, священникъ Вядецкой свято-Духовской церкви, Могилевской епархіи Илья **Бродовскій**—согласно прошенія, къ Соколищской церкви, Дриссенскаго уѣзда.

Вакантныя священническія мѣста.

— При Кокоревской церкви, Люцинскаго уѣзда, съ 28-го іюля 1911 года.

— При Усайской церкви, Лепельскаго уѣзда, съ 18-го сентября 1911 года.

— При Ясмуйжской церкви, Двинскаго уѣзда, съ 10-го октября 1911 года.

— При Узковской церкви, Велижскаго уѣзда, второго священника съ 14-го ноября 1911 года.

— При Кадоловской церкви, Невельскаго уѣзда, съ 19-го ноября 1911 года.

— При Неведрянской церкви, Невельскаго уѣзда, съ 14-го ноября 1911 года.

— При Дзвонской церкви, Ленельскаго уѣзда, второго священника съ 22-го ноября 1911 года.

— При Духовной семинаріи духовника съ 7 го октября 1911 года.

— При Верховской церкви, Лепельскаго уѣзда, съ 1-го декабря 1911 года.

Вакантныя псаломщическія мѣста.

— При Дриссенскомъ соборѣ съ 18-го ноября 1911 года.

— При Поддубьевской церкви, Витебскаго уѣзда, съ 29-го ноября 1911 года.

— При Краснобережской церкви. Невельскаго уѣзда, съ 1-го декабря 1911 года.

Пожертвованія:

Священникъ Заболотской церкви, Лепельскаго уѣзда, Авксентій Латышевскій пожертвовалъ 100 руб. на ремонтъ приписной къ Заболотской Кривцовской кладбищенской церкви.

Отъ Полоцкаго Епархіальнаго Миссіонерскаго Комитета.

1 сего ноября въ Эржепольской церкви, Рѣжицкаго уѣзда, епархіальнымъ миссіонеромъ священникомъ Кирилломъ Зайцъ присоединена къ православію изъ католичества крестьянка Боловской волости Вѣра Лукьянова Ясинская, 20 лѣтъ.

Отъ Правленія Витебскаго Епархіальнаго свѣчного завода.

Полоцкій Епархіальный съѣздъ духовенства 17 сентября сего года, по выслушаніи докладовъ ревизіонной и избранной отъ съѣзда комиссій о состояніи дѣлъ свѣчного завода, нашелъ, что положеніе завода критическое, въ нѣкоторыхъ книгахъ и дѣлопроизводствѣ затруднительно разобраться и такимъ образомъ общая картина счетоводства и хозяйства не можетъ быть выяснена безъ тщательной повѣрки и правильной постановки этаго дѣла, почему **постановлено:** пригласить священника о Виктора Жилло, какъ обладающаго знаніемъ бухгалтеріи и уже знакомаго съ положеніемъ дѣлъ свѣчного завода въ качествѣ члена ревизіонной комиссіи, завести правильное счетоводство, ознакомить съ нимъ Правленіе для дальнѣйшаго его веденія (по простой бухгалтеріи), выдать ему авансомъ сто руб. на путевые и суточные расходы, въ виду отказа его отъ вознагражденія за труды.

Вновь избранный этимъ же епархіальнымъ съѣздомъ составъ Правленія свѣчного завода и назначенный Его Преосвященствомъ смотритель, въ ожиданіи прибытія о. Виктора Жилло для выясненія запутанныхъ дѣлъ завода, занялись сами приведеніемъ въ порядокъ счетовства и по сношеніи съ оо. благочинными, въ настоящее время выяснены какъ задолженность завода поставщикамъ воска и другихъ матеріаловъ, такъ и задолженность церквей, монастырей, складовъ и костеловъ свѣчному заводу за отпущенныя свѣчи по 25 ноября сего го-

да, причемъ оказалось: 1) всего по епархіи долга—35819 руб. 47 коп. Изъ этой суммы собственно за свѣчи принадлежитъ заводу 26670 руб. 31 1/2 к., а остальные 9149 руб. 15 1/2 к. составляютъ 21 рублевый налогъ на общеепархіальныя нужды.

За Литовскою епархіей состоитъ въ долгу 64348 р. 54 к., кромѣ %, а всего долга свѣчному заводу 100168 р. 1 к.

2) Новый составъ Правленія принялъ долги: за полученный заводомъ воскъ: а) Рейнскому товариществу—17007 р. 42 коп.; б) Люнебургской воскобѣлильнѣ—44012 руб. 12 коп.; в) Думченскому за сусальное золото—194 руб.; г) Жучкову за фитильную бумагу—1305 руб. 55 коп., Люнебургской воскобѣлильнѣ за полученный 19 ноября сего года воскъ въ количествѣ 403 п. 13 1/2 ф. вновь задолжено 11394 р. 28 к., а всего долга 73913 руб. 37 коп. На погашеніе этого долга новымъ составомъ Правленія внесено Рейнскому товариществу 16104 р. 88 коп., списано со счетовъ Люнебургской воскобѣлильни за производство анализовъ 265 р. 53 к. и уплачено Жучкову 821 руб. 35 коп. Итого погашено долговъ 17191 руб. 76 коп. и затѣмъ въ настоящее время заводъ состоитъ должнымъ 56721 руб. 61 коп. съ начисленіемъ 6% съ 5 мая сего года.

Задолженность заводу Литовской епархіи и отчасти своихъ церквей лишаетъ Правленіе завода возможности вести дѣло завода за наличный разсчетъ, почему приходится переплачивать до 3000 руб. % за набираемый матеріалъ, что тяжело ложится на общее дѣло завода и уменьшаетъ на эту сумму его доходность.

Что же касается до заведенія по заводу правильнаго счетоводства, то въ этомъ отношеніи Правленію завода пришелъ на помощь Преосвященнѣйшій Владыка Никодимъ, Епископъ Полоцкій и Витебскій, лично посѣтившій 18 ноября свѣчной заводъ и давшій новые образцы конторскихъ и бухгалтерскихъ книгъ, почему услуги о. Виктора Жилло для свѣчного завода по ознакомленію имъ членовъ Правленія съ правильнымъ счетоводствомъ по простой бухгалтеріи въ настоящее время пока что не требуются

Наконецъ, въ виду прекращенія съ 1 января 1912 г. поставки свѣчъ для Литовской епархіи, хозяйственная часть свѣчного завода тоже требуетъ сокращенія расходовъ, а имен-

но: паровикъ для разогрѣванія воска несообразно великъ, требуетъ для себя особаго человѣка-кочегара и дровъ на 1 руб. въ день (въ 24 дня сжигаетъ 1 куб. сажень дровъ, стоимостью 24 руб.). Необходимо его замѣнить паровикомъ на половину меньше, что признано и Его Преосвященствомъ, необходимо сократить штатъ служащихъ на два человѣка, о чемъ Правленіемъ уже сдѣлано постановленіе, а на другіе расходы обращено должное вниманіе и принимаются мѣры къ ихъ сокращенію.

Сообщая о семъ для свѣдѣнія духовенства епархіи, Правленіе свѣчного завода покорнѣйше проситъ оо. благочинныхъ и оо. настоятелей церквей принять всѣ мѣры къ скорѣйшей уплатѣ денегъ за отпущенныя свѣчи и тѣмъ дать возможность Правленію погасить тѣ долги, на которыя насчитываются срочные проценты.

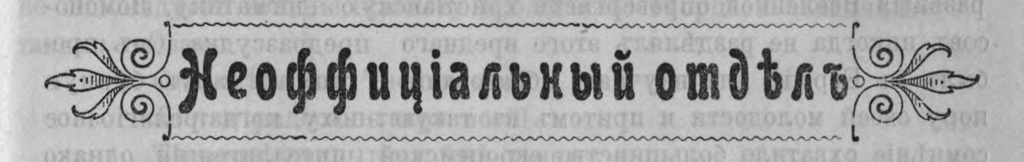

Редакторъ оффиціальнаго отдѣла,

Секретарь Консисторіи **Л. Яновскій.**

1911 года. № 49. 4-го декабря.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Неоффиціальный отдѣлъ

Слово въ день празднованія 8 ноября с. г. 200-лѣтія со дня рожденія перваго величайшаго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова *).

Ломоносовъ—отецъ русской науки и литературы.

Историкъ *С. М. Соловьевъ.*

Въ ознаменованіе достойнымъ образомъ исполнившагося нынѣ 200-лѣтія со дня рожденія перваго и величайшаго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова Св. Синодъ призналъ желательнымъ молитвенно почтить это 200-лѣтіе совершеніемъ заупокойной литургіи и панихиды и произнесеніемъ соотвѣтствующаго слова.

Что же должно составить содержаніе нашего слова при данныхъ обстоятельствахъ? Перечисленіе ли и разборъ многообразныхъ и великихъ ученыхъ трудовъ и сочиненій М. В. Ломоносова, или изображеніе тѣхъ его качествъ и дѣятельностей, о которыхъ по разнымъ причинамъ внѣ храма рѣдко вспоминаютъ и которыя наиболѣе приличествуютъ сему священному мѣсту и нашему званію?

Подробности объ ученыхъ трудахъ и заслугахъ Ломоносова вы прочитаете вездѣ, а мы вамъ здѣсь скажемъ о томъ, что такое

*) Слово Архіепископа Иркутскаго Серафима бывшаго Полоцкаго и Витебскаго.

представляетъ собой Ломоносовъ, какъ нравственный типъ, какъ общественный дѣятель и какъ русскій гражданинъ.

Какъ нравственная личность, ученый академикъ Ломоносовъ являетъ собою живое блистательное опровержепіе ходячаго мнѣнія, будто научное экспериментальное познаніе природы несовмѣстимо съ религіозностью (набожностью) и существо законовъ строенія и развитія Вселенной опровергаетъ христіанскую догматику. Ломоносовъ никогда не раздѣлялъ этого вреднаго предразсудка. Онъ пробылъ въ Европѣ для научнаго образованія 3 года въ самую бурную пору своей молодости и притомъ въ такую эпоху, когда религіозное сомнѣніе охватило большинство европейской интеллигенціи, однако онъ возвратился въ Россію съ такою же крѣпкою вѣрою въ истинность христіанства, съ какою вышелъ изъ родной деревни. Своимъ унаслѣдованнымъ отъ благочестивой матери чистымъ сердцемъ Ломоносовъ, подобно пророкамъ Божіимъ, ясно ощущалъ подъ покровомъ матеріальныхъ вещей и силъ непрерывное закономѣрное дѣйствіе (дѣланіе) Живаго Вседержителя и плакалъ предъ Его правосудіемъ и благостью въ минуты смертельныхъ опасностей и глубокихъ нравственныхъ паденій. Основательное изученіе въ Европѣ химіи, математики, физики, металлургіи и геологіи не только не притупило религіозной воспріимчивости Ломоносова, напротивъ— всѣ эти познанія въ свѣтломъ его умѣ только пролили особый свѣтъ на таинственное содержаніе христіанской догматики и сдѣлали вѣрующаго Ломоносова христіаниномъ-философомъ. Религіозная поэзія церковныхъ богослужебныхъ книгъ, воспринятая въ дѣтствѣ его геніальною памятью, изученіе св. Писанія и велик. церковн писателей въ духовной академіи въ юности и знакомство заграницей съ философіей Лейбница въ зрѣлости образовали въ душѣ Ломоносова такое возвышенное религіозное настроеніе, какое составляло существенное свойство всѣхъ строителей русской земли и которое проявляется въ гармоническомъ сочетаніи созерцанія и дѣятельности, молитвы и труда. Горячая молитва и вслѣдъ за нею увѣренность въ близкую помощь Божію—эти народныя свойства составляли основное настроеніе Ломоносова. «Я полагаюсь на помощь Всевышняго,—говорилъ онъ многократно,—Который былъ мнѣ въ жизни защитникомъ и никогда не оставлялъ когда я пролилъ предъ Нимъ слезы, въ своей справедливости». Поэтому подобно великимъ европейскимъ ученымъ—Копернику (1534), Кеплеру (1630), Ньютону 1727 и Лейбницу (1716). Ломоносовъ не только пребылъ твердъ въ

православіи среди 30-лѣтнихъ страстныхъ занятій всѣми отдѣлами естествознанія, но даже выражалъ свою глубокую вѣру въ божественное міроправленіе въ умилительныхъ духовныхъ одахъ и въ стихотворныхъ переложеніяхъ псалмовъ. Такъ напримѣръ, въ одахъ подъ заглавіемъ «Вечернее и утреннее размышленіе о Божіемъ величіи Ломоносовъ, несмотря на свои житейскія неудачи, восторженно исповѣдуетъ величіе, красоту и благость Творца и заканчиваетъ такими словами:

От̃ъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей!
Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи'
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, Безсмертный Царь!

Такое глубокое и твердое религіозное настроеніе Ломоносова принесло ему въ его многотрудной и бурной жизни великую пользу. Богословское міросозерцаніе дало ему надлежащее понятіе о соотношеніи въ мірѣ главныхъ дѣйствующихъ силъ—добра и зла, грѣха и благодати и спасло его съ одной стороны отъ мрачнаго разслабляющаго пессимизма во дни (1730 –1747) бѣдности и неудачъ а съ другой—во дни успѣховъ и славы предохранило его отъ безумной гордости и происходящихъ отъ нея преступныхъ и пагубныхъ поступковъ и дѣяній. Религіозность удержала Ломоносова отъ половой распущенности, спасла его отъ картежной игры и прочихъ забавъ суетнаго свѣта и дала ему проницательную осторожность и побѣдоносную ловкость въ опасной 20 лѣтней борьбѣ за процвѣтаніе русской науки съ инородческою партіею въ Академіи Наукъ и при Императорскомъ Дворѣ.

Какъ общественный дѣятель, Ломоносовъ представляетъ яркій образецъ неустанной дѣловитости, настойчивой систематичности въ трудѣ и непрестаннаго стремленія примѣнять научныя свѣдѣнія къ удовлетворенію многообразныхъ нуждъ и потребностей. Онъ былъ ярымъ защитникомъ реформъ Великаго Петра и распространеніе наукъ въ отечествѣ ставилъ дороже своей жизни. По-этому, при своей необычайной всесторонней даровитости, Ломоносовъ явился въ нашей наукѣ и литературѣ и въ исторіи нашего просвѣщенія такимъ же всеобъемлющимъ профессоромъ-геніемъ, какимъ Петръ

является въ исторіи нашей государственной и народной жизни. При необыкновенномъ сочетаніи геніальныхъ математическихъ и филологическихъ способностей, Ломоносовъ былъ неутомимо дѣятеленъ, поразительно трудолюбивъ и неистощимъ въ энергіи и въ изысканіи средствъ для ея примѣненія. У него была страсть къ научнымъ занятіямъ, особенно къ химіи. Онъ находилъ въ нихъ и покой, и отраду и забаву. Ежедневно съ увлеченіемъ, съ желѣзнымъ упорствомъ, въ теченіи 30 лѣтъ Ломоносовъ занимался математическими и естественными науками, устроилъ въ своемъ домѣ первую въ Россіи химическую лабораторію, производилъ всякаго рода научные опыты, создалъ русскую научную терминологію по физики и химіи, занимался устройствомъ образцоваго хозяйства въ подаренномъ ему Императрицею Елизаветою имѣніи, переписывался съ знаменитыми европейскими учеными (Вольфъ и Ейлеръ), занимался составленіемъ русской грамматики и правилъ краснорѣчія, изучалъ экономическое состояніе русскаго государства, составилъ планъ для учрежденія Московскаго университета, а на важныя общественныя событія откликался величественными и пріятными для современниковъ хвалебными гимнами. При семъ разнообразіи трудовъ и занятій, Ломоносовъ обладалъ необычайной живостью и чуткостью въ отношеніи возникающихъ новыхъ и новыхъ научныхъ вопросовъ и всегда готовъ былъ всѣмъ и каждому служить богатымъ запасомъ своихъ многостороннихъ наблюденій и свѣдѣній. Вообще по громадному объему и разносторонности свѣдѣній Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, представлялъ собою живой университетъ и академію. Все это снискало Ломоносову и наукѣ не только среди тогдашняго образованнаго общества, но и при Дворѣ Императрицы Елизаветы особый вѣсъ, авторитетъ и уваженіе. Въ придворной средѣ на разныхъ торжественныхъ собраніяхъ взоры всѣхъ обращались обыкновенно на высотую атлетическую фигуру Ломоносова. Онъ вносилъ въ эту среду, въ кругъ „высокихъ персонъ“ свою славу, свою извѣстность, свой свѣтлый умъ и неистощимую изумительную талантливость, которая дѣйствовала на всѣхъ обаятельно и уже въ сороковыхъ годахъ создала ему среди образованой знати, среди «высокихъ персонъ» Двора Елизаветы кружокъ искреннихъ и преданныхъ почитателей (графы Шуваловъ и Воронцовъ). Сочиненія Ломоносова и руководства по естественнымъ и словеснымъ наукамъ расходились тогда очень успѣшно и прочитывались съ наслажденіемъ и благоговѣніемъ. А правительство отличило эти неутомимые и многосторонніе труды Ломоно-

сова тѣмъ, что въ 1753 г. онъ едва ли не первый изъ крестьянъ получилъ недалеко отъ Петербурга довольно богатое помѣстье, въ 1762 г. пожалованъ въ статскіе совѣтники, а въ 1764 г. удостоился принять въ своей лабораторіи Императрицу Екатерину II.

Какъ русскій гражданинъ, Ломоносовъ хорошо зналъ русскую исторію, сознательно и горячо любилъ Россію, былъ убѣжденнымъ поклонникомъ самодержавной власти и неустрашимымъ проповѣдникомъ и защитникомъ даровитости и первенствующаго государственнаго положенія русскаго племени среди другихъ племенъ. Нося въ самомъ себѣ всѣ возможности европейской цивилизаціи, ощущая въ себѣ ежеминутно поразительное богатство самыхъ разнообразныхъ дарованій къ постиженію и созданію наукъ и искусствъ, Ломоносовъ не только ставилъ себя въ уровень съ выдающимися европейскими учеными, но и признавалъ за собою право при каждомъ удобномъ случаѣ показать ученымъ инородцамъ свое умственное превосходство и свое желѣзное упрямство въ осуществленіи поставленныхъ научныхъ и общественныхъ задачъ. Такое пониманіе своего достоинства вовлекло Ломоносова въ тяжелую борьбу съ инородческою партіею профессоровъ Академіи Наукъ и онъ съ непреклоннымъ упорствомъ и перемѣннымъ успѣхомъ одинъ противъ многихъ велъ эту борьбу въ теченіи 20 лѣтъ. Блистательнымъ послѣдствіемъ этой борьбы за преуспѣяніе русской науки былъ поразительный подъемъ русскаго націонализма при Екатеринѣ II и первостепенное положеніе Россіи въ семьѣ европейскихъ народовъ. Но Ломоносову не суждено было видѣть этотъ великій плодъ своей патріотической дѣятельности. Непрерывные многолѣтніе научные труды и ожесточенные споры съ врагами въ Академіи подорвали богатырское здоровье Ломоносова и въ апрѣлѣ 1765 г. онъ сошелъ въ могилу на 54 году своей изумительной жизни.

Итакъ, что же, говоря кратко, представляетъ собою М. В. Ломоносовъ, какъ личность (нравственный типъ), какъ общественный дѣятель и какъ русскій гражданинъ?

Какъ личность, Ломоносовъ явилъ собою образецъ (прототипъ) всесторонне развитаго цѣльнаго русскаго человѣка, русскаго мыслителя-христіанина, чуждаго неразумной мечтательности и разслабляющаго пессимизма (унылаго озлобленія). Ломоносовъ—яркое сочетаніе смѣлаго желѣзнаго упрямства и предусмотрительной гибкости, идеализма и реализма, религіозной вѣры и научнаго всесторонняго знанія. Это—богатырь новой Россіи, богатырь русской интелли-

генціи. Благочестивые писатели—Державинъ, Хомяковъ, Ю. Ѳ Самаринъ, Достоевскій, историкъ Соловьевъ и философъ Н. Н. Страховъ—эти духовные орлы—птенцы его гнѣзда.

Какъ общественный дѣятель, Ломоносовъ представляетъ образецъ самоотверженнаго, непрестаннаго кипучаго трудолюбія и мудраго умѣнія пользоваться обстоятельствами для наиболѣе плодотворнаго служенія своей Великой Родинѣ. Историкъ Соловьевъ называетъ Ломоносова отцемъ русской науки и литературы. Онъ былъ первый русскій ученый, овладѣвшій европейскою наукою вполнѣ и создавшій для нея языкъ. По отзыву профессора Полевого, Ломоносовъ своею личною дѣятельностью одинъ мощно двинулъ впередъ русскую науку и литературу и создалъ около себя цѣлый рой поклонниковъ, послѣдователей и подражателей, безусловно предъ нимъ преклонявшихся.

Какъ русскій гражданинъ, Ломоносовъ горячо любилъ Православную Русь, крѣпко вѣрилъ въ даровитость русскаго племени и громко провозглашалъ право русскихъ на господственное положеніе въ многоплеменной Россійской Имперіи. Научное просвѣщеніе Россіи, ея богатство, величіе и слава были непрестаннымъ предметомъ думъ и чувствъ его возвышенной благородной души. И великое прошлое Россіи и ея лучшее будущее Ломоносовъ навсегда запечатлѣлъ въ слѣдующихъ общеизвѣстныхъ стихахъ:

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ

. . . .

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны

Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ
Россійская земля рождать.

Творецъ чудесъ, Всемогущій любвеобильный Разумъ! Ты наполнилъ поминаемаго нѣнѣ раба Твоего Михаила божественнымъ духомъ мудрости, пониманія и умѣнія во всякомъ дѣлѣ (исх. XXXI, 3). Ты поднялъ его изъ ничтожества и посадилъ на сѣдалище мудрецовъ съ князьями и старѣйшинами! Воистину Ты Самъ неотступно былъ съ избраннымъ Твоимъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, напастяхъ и успѣхахъ. Ты далъ ему, чего желало его благородное сердце и прошеніе устъ его не отринулъ! И нынѣ, Милостивый Господи, услышь наше благодарное моленіе объ его упокоеніи въ небесныхъ селеніяхъ и дай ему оставленіе грѣховъ и блаженное созерцаніе Твоей силы и премудрости въ явленіяхъ природы и въ судьбахъ народовъ!

Скорби и радости пастырскаго служенія.

(*Окончаніе*).

Въ ряду пастырскихъ радостей первое мѣсто занимаетъ увѣренность пастыря въ постоянномъ присутствіи съ нимъ Христа—Пастыреначальника. Дѣйствительно, Господь обѣщалъ пастырямъ въ лицѣ апостоловъ пребывать съ ними всегда: „се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка» (Мѳ. XXVIII, 20), говорилъ Онъ. Согласно Своему обѣщанію, Спаситель неразлученъ съ пастырями, Онъ принимаетъ близкое участіе въ тѣхъ, кто совершаетъ Его дѣло, Онъ невидимо помогаетъ имъ, вливаетъ въ ихъ души бодрость, устраняетъ отъ нихъ опасности и препятствія. Вѣра въ невидимое присутствіе Христа съ пастыремъ радостью наполняетъ сердце послѣдняго, поддерживаетъ его среди трудовъ и воодушевляетъ его на новые подвиги.

Сознаніе, что пастырю поручено великое дѣло на землѣ—руководить пасомыхъ ко спасенію, примирять ихъ съ Богомъ—тоже составляетъ источникъ чистой радости для любящаго сердца пастыря: Дѣйствительно, нѣтъ на землѣ ни одной другой профессіи, которая преслѣдовала-бы болѣе высокія задачи, чѣмъ пастырское служеніе, ибо оно имѣетъ дѣло съ самыми первыми, основными началами жизни, съ нравственными силами: оно производитъ обновленіе, возрожденіе и спасеніе человѣка. Если даже оно и не даетъ скорыхъ результатовъ, то надежда на успѣхъ въ будущемъ должна одушевлять пастыря, потому что доброе сѣмя, посѣянное умѣлою рукою въ хорошо воздѣланную почву, въ свое время несомнѣнно принесетъ плодъ. Но въ большинствѣ случаевъ пастырю дается счастье еще при жизни испытать высокую радость видѣть добрые плоды своего дѣланія. И такихъ случаевъ въ пастырской практикѣ не мало, напр. обращеніе заблуждающихся, исправленіе грѣшниковъ, усердіе пасомыхъ къ богослуженію, вниманіе къ проповѣди, вообще—подъемъ нравственнаго уровня въ приходѣ. Все это благопріятно отражается на пастырѣ, все это вливаетъ тихую радость въ его любящее сердце, заставляетъ забывать о невзгодахъ его служенія, все это въ той или иной степени знакомо каждому пастырю: все это зависитъ отъ него самаго: оно дается ему Богомъ, какъ награда за его дѣятельность. Много потрудившіеся пастыри испытываютъ еще здѣсь, на землѣ такую радость, предъ которой блѣднѣютъ его скорби и испытанія. Надо замѣтить, что ни въ какомъ другомъ званіи и ни въ какомъ служеніи не бываетъ столько поводовъ къ радостямъ, какъ въ пастырскомъ служеніи.

Самымъ обычнымъ и доступнымъ предметомъ для пастырской радости служитъ храмоздательство въ обширномъ значеніи этого слова. Рѣдкій пастырь въ своей жизни не испыталъ счастья, при содѣйствіи прихожанъ построить новый храмъ или благоустроить существующій. Какъ высоко это счастье, показываетъ слѣдующій примѣръ.

Въ одинъ бѣдный и малолюдный приходъ назначенъ былъ молодой студентъ семинаріи. Первыя впечатлѣнія его въ приходѣ были неблагопріятны: приходъ поразилъ его своею бѣдностью и индифферентизмомъ, а храмъ убожествомъ. Храмъ былъ небольшой. Все это удручающе подѣйствовало на пастыря, но не сломало его энергіи. Другой на его мѣстѣ, не задумываясь, покинулъ бы бѣдный приходъ и перемѣстился бы на лучшій. Но онъ иначе взгля-

нулъ на свое назначеніе: „промыслъ Божій привелъ меня на это бѣдное мѣсто: Господу угодно, чтобы я послужилъ здѣсь для спасенія ближнихъ, чтобы устроилъ новый храмъ во славу Божію",—и онъ остался. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на прихожанъ, всѣми доступными ему мѣрами старался расположить ихъ къ храму, къ богослуженію, къ добросовѣстному исполненію ими христіанскихъ обязанностей, что ему, со временемъ и удалось. Въ церкви появились небольшія средства и хотя много встрѣчалось неотложныхъ расходовъ, но пастырь всегда усиливался избѣжать ихъ: онъ поставилъ себѣ цѣль— копить деньги для новаго каменнаго храма Протекли двадцать лѣтъ его служенія въ бѣдномъ приходѣ и въ убогомъ храмѣ и за это время скопилъ онъ пять тысячъ рублей. Эту сумму онъ счелъ настолько солидною, что рѣшился приступить къ великому дѣлу, рѣшился объявить прихожанамъ о своей завѣтной мечтѣ. Прихожане и сами лелѣяли мысль о новомъ храмѣ, но никогда не думали серьезно, чтобы она могла осуществиться; слишкомъ много было препятствій для этого труднаго дѣла. Но теперь были на лицо и средства и строитель. Можно поэтому себѣ представить, съ какимъ энтузіазмомъ приступили къ дорогому дѣлу: приходская жизнь оживилась, началась дружная энергичная работа; всѣ безъ исключенія спѣшили принять участіе въ святомъ дѣлѣ и личнымъ трудомъ и матеріальными средствами. И въ результатѣ чрезъ десять лѣтъ возлѣ убогой деревянной церкви выросъ величественный каменный храмъ съ архитектурной колокольней.

Никто такъ не радовался въ день освященія храма, какъ пастырь-храмосоздатель, никто не испытывалъ такъ живо чувство нравственнаго удовлетворенія, какъ онъ самъ: завѣтная мечта его осуществилась, святая цѣль, къ которой онъ неуклонно стремился въ теченіи всей своей жизни, наконецъ, исполнилась: тихія, радостныя слезы по временамъ навертывались на его глазахъ и были невольными свидѣтелями его восторга, его свѣтлаго настроенія.

Но отвѣтственная тяжелая работа по устройству храма и сопряженныя съ нею безпокойства и непріятности пагубно отразились на его здоровьѣ. Три мѣсяца наслаждался онъ счастьемъ служить въ своемъ храмѣ и затѣмъ тяжко заболѣлъ. Передъ смертію въ послѣдній разъ чрезъ раскрытое окно взглянулъ онъ на свое дорогое дѣтище, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и съ спокойною совѣстію тихо и радостно, отошелъ въ вѣчность.

Кромѣ храмоздательства источникомъ радостей для пастыря могутъ быть: общества трезвости, братства, проповѣдничество, народныя чтенія и проч.

Трудно представить себѣ, сколько неподдѣльной радости и свѣтлыхъ минутъ испытываетъ пастырь руководитель общества трезвости. Предъ нимъ проходятъ ряды несчастныхъ, безвольныхъ, слабыхъ людей: у каждаго изъ нихъ драма жизни, подчасъ длинная и тяжелая; рѣдкій изъ нихъ является записываться, одинъ, но большинство въ сопровожденіи жены или другого близкаго человѣка, для поддержки въ этомъ трудномъ дѣлѣ и въ качествѣ свидѣтеля его обѣта; иной предпринимаетъ далекій путь, чтобы записаться въ обществѣ, имѣющемъ санкцію епископа и опытность руководителя.

Исправить несчастнаго человѣка, возвратить женѣ любящаго мужа, дѣтямъ заботливаго отца, обществу полезнаго члена—развѣ это не радость?

Возвратить погибшему потерянное имъ уваженіе и вліяніе въ обществѣ, поправить его матеріальное благосостояніе, возстановить его пошатнувшееся здоровье—развѣ это не счастье?

Видѣть дѣтей бывшаго алкоголика и сытыми и здоровыми и цвѣтущими и жизнерадостными,—развѣ это не удовольствіе для пастыря? Въ практикѣ руководителя общества трезвости бываютъ и такіе случаи, которые во многомъ напоминаютъ извѣстный эпизодъ изъ жизни о. Ивана въ „Затейникѣ» Петрова. Странно было о. Ивану когда алкоголикъ—каторжникъ догналъ его послѣ народнаго чтенія въ пустынномъ переулкѣ, остановилъ у фонарнаго столба, впился въ него глазами и сталъ выпытывать: „ты говоришь, что все надо прощать, все забывать ради Христа... Ну, а если я сына твоего зарѣжу, простишь ты меня или нѣтъ"? Но зато послѣ какъ онъ радовался, когда узналъ, что этотъ несчастный измѣнился къ лучшему и своею жизнію пожертвовалъ для другихъ: онъ погибъ въ огнѣ, спасая на пожарѣ чужихъ дѣтей. Нѣчто подобное испытываетъ и руководитель общества трезвости, когда ночью приходится ему иногда принимать въ своемъ кабинетѣ запоздалаго неизвѣтнаго ему алкоголика: кто онъ? что у него на умѣ? А отказать нельзя,—надо пользоваться моментомъ пока несчастный не раздумалъ, надо спасти во что бы то ни стало. Жутко бываетъ въ эти минуты, но радостно потомъ, когда по наведеннымъ справкамъ, окажется, что тотъ ночной посѣтитель исправился, отрезвѣлъ, сталъ нормальнымъ человѣкомъ.

Немало высокихъ радостей испытываетъ также пастырь при назиданіи пасомыхъ словомъ Божіимъ. Если онъ пропозѣдуетъ для славы Божіей, а не на показъ людямъ, съ единственною цѣлью исправить, спасти пасомыхъ,—его ожидаетъ вниманіе, любовь и благодарность слушателей. Добрые отзывы пріятны для пастырскаго сердца, когда они являются выраженіемъ добрыхъ чувствъ пасомыхъ; отрадно пастырю сознавать, что его слово доходитъ до сердца прихожанъ и находитъ въ немъ себѣ откликъ, что оно не пропадаетъ даромъ, а приноситъ духовно-нравственную пользу; утѣшительно видѣть, что религіозно-нравственное чувство еще живетъ въ сердцахъ народа, что стремленіе къ духовнымъ интересамъ не заглохло въ нихъ. Пріятное впечатлѣніе получается когда при появленіи пастыря на каѳедрѣ, народъ волной устремляется впередъ, ближе къ нему. Водворяется тишина, съ плачущими дѣтьми выходятъ вонъ, чтобы не мѣшать другимъ слушать. Пастырь говоритъ просто, ясно, безыскусственно, съ замѣтнымъ воодушевленіемъ и невольно завладѣваетъ вниманіемъ слушателей; кругомъ его сосредоточенныя, часто взволнованныя лица, видны невольныя слезы... Случается иной разъ, что тотчасъ за словомъ пастыря слѣдуетъ ему и высокая награда: это бываетъ въ случаяхъ, когда онъ предъ исповѣдью произноситъ прочувственную, искреннюю и убѣдительную проповѣдь. Подъ вліяніемъ такой проповѣди одни раскаяваются въ давнихъ грѣхахъ, въ которыхъ не каялись десятки лѣтъ, другіе приносятъ покаяніе въ томъ, что и за грѣхъ не считали никогда. Что можетъ быть выше этой радости? Это уже радость не земная, небесная. Эту радость раздѣляютъ съ пастыремъ святые ангелы на небѣ (Лук. XV, 10).

Но, кажется, еще больше отрадныхъ минутъ и свѣтлыхъ радостей суждено испытать пастырю при веденіи внѣбогослужебныхъ чтеній. Внѣбогослужебныя чтенія имѣютъ цѣлію благочестиво настроить слушателей и отвлечь ихъ отъ пустыхъ и вредныхъ развлеченій въ дни праздниковъ; въ тоже время чтенія замѣняютъ для народа въ нѣкоторомъ родѣ школу, гдѣ онъ пріобрѣтаетъ религіозно-нравственныя свѣдѣніи. Истины, вѣры и нравственности излагаются просто, ясно, причемъ обращается вниманіе на обязанности, которыя чаще всего нарушаются: неуваженіе старшихъ, охлажденіе къ религіи и др., богослуженіе объясняется съ достаточною ясностью, чтобы народъ принималъ сознательное участіе въ общественной молитвѣ, объясняются малопонятныя слова, смыслъ и знаніе священно-

дѣйствій. Христіанскія нравоучительныя дѣйствія подтверждаются примѣрами изъ житій святыхъ и изъ современной жизни,—это весьма важно, такъ какъ живые примѣры лучше разсужденій дѣйствуютъ на душу, укрѣпляютъ вѣру въ сердцахъ слушателей и направляютъ ихъ волю къ доброму подраженію. Къ религіозно-нравственнымъ чтеніямъ присоединяются чтенія историческія и бытовыя, чтенія иллюстрируются туманными картинами, сопровождаются общенароднымъ пѣніемъ и свободнымъ обмѣномъ мнѣній. Все это разнообразитъ, оживляетъ чтенія и способствуетъ лучшему ихъ усвоенію. При такой постановкѣ дѣла, чтенія приносятъ несомнѣнпую пользу: они отвлекаютъ народъ отъ пустого времяпровожденія, отъ пагубнаго пьянства, смягчаютъ грубые нравы, развиваютъ любознательность, пробуждаютъ стремленіе къ высшимъ интересамъ. Чтенія сближаютъ пастыря съ народомъ: при свободномъ обмѣнѣ мыслей, даютъ ему возможность близко знакомиться съ интеллектуальнымъ и нравственнымъ уровнемъ своихъ пасомыхъ, съ ихъ взглядами, запросами и желаніями, а также съ условіями ихъ семейной и общественной жизни.

Для пастыря не можетъ быть выше радости, когда прихожане дарятъ его своимъ довѣріемъ своимъ сочувствіемъ, составляютъ съ нимъ одну общую, тѣсно сплоченную семью, когда они въ своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ обращаются къ нему за совѣтомъ, объясненіемъ, когда въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни спѣшатъ къ нему съ надеждою что онъ внимательно выслушаетъ ихъ, близко къ сердцу приметъ ихъ интересы, раздѣлитъ съ ними ихъ горе и радость.

Само собой понятно, что и начальство, обращая справедливое вниманіе на дѣятельность пастыря, цѣнитъ его труды и поощряетъ его своимъ вниманіемъ и почетными наградами. Заслуженныя награды, безъ сомнѣнія, радуютъ пастыря, поддерживаютъ эго энергію побуждаютъ его на новые труды.

Послѣ всего сказаннаго о скорбяхъ и радостяхъ пастырскаго служенія необходимо придти къ заключенію, что истинный пасвырь долженъ объективно относиться къ тѣмъ и другимъ: не огорчаться глубоко скорбями и не увлекаться чрезмѣрно земными радостями,—и тѣ, и другія имѣютъ случайный характеръ и не должны подчинить его себѣ.

Есть высшая цѣль его назначенія—это слѣдовать за Христомъ, возвѣщать о немъ людямъ и Его силою дѣлать людей лучшими, бого-

подобными. Чтобы осуществить эту цѣль, пастырь долженъ воспитать въ себѣ стремленіе добросовѣстно исполнять дѣло своего служенія, не считаясь ни съ какими обстоятельствами, сопровождающими его дѣятельность, онъ долженъ чувствовать, что творитъ волю Божію, совершаетъ дѣло, которое составляетъ для него и пищу, и питіе, и жизнь, и радость.

При такомъ настроеніи ничто земное не устрашитъ и не увлечетъ его: онъ будетъ твердъ среди скорбей и высокъ среди радостей, все существо его будетъ проникнуто любовью къ Богу и желаніемъ исполнить волю Его *).

Какъ современные писатели изображаютъ духовенство.

(*Окончаніе*).

Мы видѣли, какими «перлами» досужей фантазіи украшаютъ модные писатели новые журналы,—и журналъ то помѣщаетъ всего на всего беллетристики страницъ на 60—70... И если-бы здѣсь была не фантазія дурного тона, то вѣдь нужно было-бы заключать, что наше духовенство давно прогнило насквозь... Но можетъ быть такою копотью занимаются только хулиганы литературные, нѣтъ, занимаются ею и «корифеи» теперешней литературы „имена». Возьмите вотъ разсказъ г. Леонида Андреева „Неосторожность». Сельскій „батюшка" пріѣхалъ на станцію за два часа до отхода поѣзда. Отъ батюшки,—замѣчаетъ г. Андреевъ со свойственною ему тонкою «художественной" наблюдательностью,—«пахло коноплей, цвѣтами и придорожной пахучей пылью». Пахнувшій „пахучей пылью" батюшка принялся отъ нечего дѣлать разглядывать стоявшій на пути паровозъ, причемъ съ одежды батюшки и его волосъ „сыпалась тонкая дорожная пыль, и движенія его были безшумны" отъ этой пыли, «смягчавшей шелестъ одеждъ». Паровозъ стоялъ на запасномъ пути, „какъ будто спалъ, но

*) „Пензенскія Епарх. Вѣдомости" № 20 1911 г.

было въ этомъ,—проницательно заявляетъ г. Андреевъ,—явное притворство». Батюшка сначала погладилъ колеса паровоза, потомъ, увидѣвъ приближающуюся бабу, „подмигнулъ и засмѣялся», раздумывая про себя: „вотъ бы посмотрѣли прихожане, попъ что дѣлаетъ». Паровозъ, притворившійся спящимъ и конечно наблюдавшій батюшку съ такимъ же тонкимъ вниманіемъ, какъ и г. Леонидъ Андреевъ, „благодушно молчалъ». Это благодушное молчаніе ободрило батюшку. Оставивъ зонтъ и узелокъ съ какими-то лепешками около паровоза, батюшка взобрался на него и тронулъ какую-то ручку Паровозъ вдругъ зашипѣлъ, засвистѣлъ и помчался по рельсамъ. „Господи!»—взмолился батюшка, но и молитвы такой не было на такой случай,—иронизируетъ г. Леонидъ Андреевъ—«Господи, Господи... а что жъ дальше?“ Да, именно что жъ дальше? А дальше ровно ничего, кромѣ невѣроятной глупости. „Лепешки мои, лепешки,—бормочетъ батюшка, катящій на паровозѣ и кривитъ лицо отъ слезъ». Затѣмъ, покрививъ лицо отъ слезъ, батюшка начинаетъ ругать самого себя: „дуракъ, сволочь». Потомъ онъ кричитъ паровозу· «да стой же, дуракъ, скотина, скотина“! На блѣдномъ лицѣ его «темнѣютъ безсмысленно, кратко и жалко“ какія-то «пыльныя морщинки, морщинки пріятнаго смѣха, тихихъ удовольствій, домашняго горя о заболѣвшей коровѣ», Потомъ слѣдуетъ финалъ разсказа: «Пусто, мертво и даже почти что спокойно—въ грохотѣ и лязгѣ уносящаго потока (откуда взялся потокъ на рельсахъ—неизвѣстно). И какъ далекій тихій огонекъ берегового маяка, когда впереди только черныя волны и буря,—чуть теплится замирая, послѣдняя мысль о далекихъ сдобныхъ лепешкахъ». Все, конецъ разсказа. И ради чего же такую чепуху выдумалъ г. Леонидъ Андреевъ? Что онъ хотѣлъ сказать этой чепухой? Надъ попомъ что ли желалъ поглумиться, чтобы порадовать такимъ радикальнымъ глумленіемъ школьниковъ?!

Другой «корифей“ беллетристики г. Максимъ Горькій не отстаетъ, а кажется превосходитъ въ своихъ глумленіяхъ надъ священникомъ. Возьмемъ его повѣсть «Исповѣдь“. Въ этой повѣсти выводится Матвѣй, который искалъ Бога вездѣ: въ храмахъ, въ монастыряхъ; не нашелъ его тамъ и только, наконецъ, встрѣтившись случайно съ странникомъ Іегудіиломъ, по совѣту его, нашелъ Его на заводахъ среди рабочаго наро-

да... Сначала, съ дѣтства Матвѣй жилъ у дьячка Ларіона. Интересны отзывы Ларіона о своемъ священникѣ:—«Какой это священникъ! Онъ не попъ, а барабанъ, по которому нужда и привычка палками бьютъ. Былъ бы я попомъ, я бы такъ служилъ, что не токмо люди,—святыя иконы плакали бы!» И это вѣрно, замѣчаетъ Матвѣй,—«не хорошъ былъ попъ на своемъ мѣстѣ: лицо курносое, черное, словно порохомъ опалено, ротъ широкій, беззубый, борода трепаная, волосомъ жидокъ, со лба-лысина, руки длинныя. Голосъ имѣлъ хриплый и задыхался, будто не по силѣ ношу несъ. Жаденъ былъ и всегда сердитъ, потому-многосемейный, а село-то бѣдное, земли у крестьянъ плохія, промысловъ нѣтъ никакихъ". У дьячка Ларіона былъ другъ Савелка Мигунъ, ворища извѣстный и пьяница заливной, но по всему прочему рѣдкостный человѣкъ. За бутылкой водки любили они пѣть, причемъ Савелкѣ особенно нравилось, когда дьячекъ валялъ—по его выраженію—„Покаяніе» и «Волною морскою"·—«Очень превосходно, Ларя! Ну, и завидую я Господу Богу—хорошо пѣсни сложены Ему! Человѣкъ то, Ларя, а? Каковъ есть человѣкъ, сколь онъ добръ и богатъ душой, а ему ли ужъ не трудно передъ Богомъ ходить! А онъ вотъ какъ на! Ты мнѣ, Господи,—ничего, а я тебѣ—всю душу»! —Не кощунь!—скажетъ Ларіонъ—я?—кричитъ Савелка· Нисколько! Даже и въ помыслахъ нѣтъ! Гдѣ же я кощуню? Никакъ! Радуюсь за Бога и больше ничего! И такъ они весь вечеръ другъ друга утѣшаютъ, пока не спьянятся; тогда Мигунъ начинаетъ похабныя сказки сказывать про поповъ, помѣщиковъ, королей...

Не дурны и выраженія г. Горькаго напримѣръ: «гогочетъ какъ попъ въ банѣ на полкѣ», выраженіе упомянутаго богоискателя Матвѣя. Въ повѣсти г. Горькаго «Исповѣдь», наоборотъ, излюбленные герои—рабочій народъ: онъ имъ даетъ эпитетъ богоискателей и богостроителей. Да иначе и быть не можетъ: писатели извѣстнаго лагеря на каждомъ шагу изрыгаютъ самыя невѣроятныя ругательства, направляя ихъ противъ иначе мыслящихъ и дѣйствующяхъ; про нихъ они даже не считаютъ нужнымъ писать обычнымъ литературнымъ языкомъ. Христіанскихъ іерарховъ, священниковъ и пр., проповѣдующихъ чистое Христово ученіе, эти писатели съ особеннымъ азартомъ и съ безконечнымъ презрѣніемъ именуютъ всюду

«попами“, «ханжами“ и пр. «Стилистическія особенности» весьма характерныя! Здѣсь допустимы всякія насмѣшки и даже кощунства.—На небесахъ попы сулятъ,—насмѣшливо вставилъ малороссъ изъ Херсона съ широкимъ лицомъ, темнымъ какъ ржаная лепешка,—а мужики здѣсь заберутъ»,—вотъ, напримѣръ,—это любимый герой у писателя «извѣстнаго» направленія Тана въ его очеркахъ „Мужики въ Государственной Думѣ»· Значитъ. фанатическая злоба и ненависть отъ «попа» переносится даже на религію. Напримѣръ «Современное Слово» изображаетъ такими штрихами „утро сельскаго учителя“. Пропѣли молитву. Иванъ Дмитріевичъ распредѣлилъ уроки и занятія начались. Мимо оконъ кто-то проѣхалъ въ городскомъ тарантасѣ.—Батюшка, отецъ Иванъ пріѣхалъ,—торжественно заявилъ Прохоръ—Этого недоставало...—съ неудовольствіемъ подумалъ Иванъ Дмитріевичъ.—Все у меня распредѣленіе испортилъ.—Вы ужъ меня извините.—говорилъ въ комнатѣ учителя Ивану Дмитріевичу пріѣхавшій верстъ за пять отъ города священникъ.—Но завтра мнѣ никакъ нельзя быть на урокѣ. И послѣ завтра тоже· Служба заказная, знаете-ли. Я и рѣшилъ сегодня.—Ничего, ничего...—говорилъ Иванъ Дмитріевичъ, принуждая себя улыбнуться.—Займитесь пока со старшимъ отдѣленіемъ. А я займусь со среднимъ объяснительнымъ чтеніемъ. Младшие у меня будутъ писать· Соглашеніе состоялось. Отецъ Иванъ затворился со старшими. Но только что Иванъ Дмитріевичъ разошелся со своимъ урокомъ, требующимъ особеннаго напряженія отъ учителя и вниманія отъ учателя и вниманія отъ учащихся, какъ изъ комнаты батюшки раздалось: «Преобразился еси на горѣ» и т. д. То учащіеся съ батюшкой запѣли тропарь „на гласъ». Иванъ Дмитріевичъ вспыхнулъ. Заниматься дальше объяснительнымъ чтеніемъ, очевидно, было невозможно. Вниманіе его группы быстро разсѣялось, кое-кто даже сталъ вполголоса подтягивать поющимъ. —Просто наказаніе!.. схватилъ себя за голову Иванъ Дмитріевичъ.- Сколько разъ я просилъ его не пѣть за уроками Закона Божія. Кое-какъ кончился урокъ. Законоучитель перешелъ къ младшимъ группамъ. Иванъ Дмитріевичъ заперся со старшими. Но и здѣсь предполагаемая ариѳметика шла плохо; отецъ Иванъ опять «воспѣлъ съ учениками». Уѣхалъ священникъ.Уче никиразбѣжались по домамъ обѣдать. Иванъ Дмитріе-

вичъ, нравственно истерзанный, бросился на койку. Вотъ какое зло священникъ въ сельской школѣ. Онъ мѣшаетъ планамъ преподаванія и только «нравственно терзаетъ“ бѣдныхъ учителей своими церковными пѣніями. Капля камень долбитъ, —думаетъ очевидно про себя „извѣстный“ листокъ, помѣщая такіе разсказы «изъ школьной жизни“. Въ той же газетѣ для пропаганды „свободной» школы есть „старый учитель“, который выразительными анекдотами объясняетъ, какимъ зломъ является для школы духовенство—всѣ эти дьяконы, священники, архіереи—съ ихъ уроками Закона Божія. Вотъ, напр., пріѣхалъ архіерей въ школу на экзаменъ. Вышли двѣ дѣвочки, худенькія, заморыши. Особенно первая, съ тоненькой-претоненькой шеей.—Скажи-ка, за что изгнаны были изъ рая прародители?—Съѣли отъ запрещеннаго дерева...—сдавленнымъ голосомъ начала дѣвочка. И остановилась.—Только за это? А ты, чай, не мало запрещеннаго ѣла и тебя никто на улицу не выгонялъ?.. Дѣвочка вытягивала шейку и мигала безпомощно глазками.—Ну-ка, ты, какъ объяснялъ имъ?—обернулся владыка въ сторону сосѣдней комнаты. Дьяконъ показался изъ-за двери. Онъ подумалъ и потеръ себѣ рукою лобъ.—Вкусили отъ древа, владыка... Преосвященный усмѣхнулся и сдѣлалъ жестъ рукой. Дьяконъ опять спрятался.—Ну такъ какъ же?—спросилъ владыка дѣвочку.—Значитъ, твои родители были добрѣе Бога, что ли?—Нѣтъ...—прошептала дѣвочка, потупилась и густо покраснѣла. Она какъ разъ была сирота круглая.—Ну, это что за нѣжности!..—съ неудовольствіемъ сказалъ владыка:—слезы?..—Поплачь, я подожду.—И владыка, скрестивъ на груди руки, откинулся на спинку кресла. Дѣвочка горько заплакала. Въ отвѣтъ ей со стороны раздался стонъ. Всѣ обернулись. То учительница, сестра Марія, съ блѣднымъ какъ полотно лицомъ держась за грудь нетвердой походкой направилась къ выходной двери.—«А-а, вонъ-что!—протянулъ владыка. Очень строгъ, не ко двору пришелся... Ну что-жъ можно и домой! Счастливо оставаться!“ Вѣдь какой невѣроятный извергъ: дѣвочка горько заплакала, учительница застонала“. Прямо инквизиція! Вообще, у писателей извѣстнаго направленія строгость не въ модѣ, ибо она противорѣчитъ ихъ взглядамъ на любовь къ людямъ...

Будемъ-ли болѣе говорить о писательскихъ выходкахъ противъ духовенства. А всѣмъ извѣстное ходячее выраженіе

про поповъ: «грабятъ съ живого и мертваго"... Это выраженіе и вообще нелюбовь къ попамъ не прочь былъ выразить, какъ видно изъ статьи Ал. Ксюнина. «Яснополянскіе крестьяне о Толстомъ" въ „Новомъ Времени" отъ 11 декабря 1910 г. и великій художникъ слова Левъ Николаевичъ Толстой. Вообще у модныхъ писателей, кажется, мало выставлено положительныхъ типовъ духовенства. Напримѣръ, у Бориса Зайцева есть сносный по тону разсказъ «Священникъ Кронидъ», но и его изображеніе священника какъ то блѣдно, напримѣръ: „Онъ священникъ—старъ, ему подъ шестьдесятъ; онъ плотный, сильный человѣкъ, мужики его уважаютъ и зовутъ Крономъ. Много лѣтъ онъ живетъ ужъ тутъ, ходитъ въ церковь, возвращается домой, вѣнчаетъ, хоронитъ, звонитъ въ колокола съ приближенными дьячками и стариками и куда-то (?) ведетъ за собой приходъ».

Болѣе выпуклый положительный типъ священника мы находимъ лишь въ «Русской Мысли», въ разсказѣ г. Ивана Странника „Безъ трудовъ—спасеніе", гдѣ разрабатываются богоискательные мотивы. Въ разсказѣ описывается религіозный поселокъ, созданный уважаемымъ пастыремъ, гдѣ-то подъ сѣверной столицей: церковь, пріюты, гостинницы. Самъ о. Иларіонъ изображенъ въ чертахъ довольно привлекательныхъ.

Довольно. Сдѣлаемъ выводъ. Какъ бы ни была въ церковной жизни велика разруха, какъ ни принизились и огрубѣли люди, какіе бы ни были священники сухіе формалисты и неспособные чиновники, стоящіе не на высотѣ своего дѣла, какъ ни учитывать печальныя данныя дѣйствительности,—все равно литературная (приведенная нами) участь духовенства мало имъ заслужена, все равно дико преувеличенными кажутся персонажи гг. Гусевыхъ, Рославлевыхъ, Андреевыхъ, Горькихъ и гр. Толстыхъ. Да, есть печальные „типы», но зачѣмъ же швырять въ нихъ бранью и грязью, зачѣмъ безчестить и добивать? Рославлевы, Гусевы, графы Толстые и пр. приведенные нами вытаскиваютъ изъ духовенства столько пошлости и низости, что по-истинѣ волосы встали бы дыбомъ, если бы въ томъ, что они пишутъ, оказалась такая доля жизненной правды. Какъ совмѣстить правду жизни съ такимъ литературнымъ вымысломъ?

Духовенство по прежнему основное лицо всей нашей церковной дѣйствительности (выраженіе В. Розанова), а въ литературѣ оно—куча сора, смрадъ разложенія, букетъ самыхъ отвратительныхъ запаховъ. По Розанову приходскій священникъ—конь, на которомъ „все ѣдетъ», фигура, къ которой все мысленно прикрѣпляется, когда думаешь о „православіи»; ось, около которой все въ церкви «вращается»; наконецъ, опора всѣхъ надеждъ и источникъ всякаго отчаянія въ церковной наличности и свѣтлой и мрачной; не имѣющій голоса по скромности, по лѣни; лучше всѣхъ знающій русскую дѣйствительность—душу народа, его матеріальное и семейное состояніе, его, наконецъ, чаянія и надежды, упованія и идеалы. Вспомнимъ исповѣдь; вспомнимъ хожденіе по домамъ „съ требами». Священникъ хоронитъ русскаго человѣка,- похоронилъ весь русскій людъ отъ Владиміра святого до сихъ поръ и онъ же взялъ на руки, голенькими младенцами, тоже весь русскій людъ, вотъ всѣ сто милліоновъ, живущихъ сейчасъ въ Россіи. Если «что-то говоритъ» физическое пожатіе руки ближняго,—руки знакомаго, руки друга, то что значитъ эти „прикосновенія пальцами» къ ста милліонамъ народа русскаго священника („Новое Время» отъ 16 декабря 1910 г.). А по Рославлеву онъ—одно отчаяніе. Остается признать, что передъ нами преднамѣренное профессіональное клеветничество, потрафляюшее инстинктамъ рынка и толпы. «Не судите, да не судимы будете», и право, лучше будетъ, если замолчатъ, если прикусятъ языки непрошенные обличители, безразсудные самозванцы или черные матеріалисты. По пословицѣ: «Клевета—что уголь: не обожжетъ, такъ запачкаетъ“. Но по нынѣшнимъ временамъ „огня» вѣдь и не нужно было бы погрязнѣй.

„Пензенскія Епарх. Вѣдомости» № 22 1911 г.

Лѣтопись Вѣдомостей

† О. Іоаннъ Завилейскій.

(Некрологъ).

14 сего ноября въ 5 час. вечера, скончался отъ отека легкихъ, на 64 году жизни, Неведрянской церкви, Невельскаго уѣзда, священникъ о. Іоаннъ Григорьевичъ Завилейскій, духовникъ 3-го Невельскаго благочинническаго округа. Многое можно сказать о добрыхъ и неподдѣльныхъ качествахъ души о. Іоанна, но считаю безцѣльнымъ тревожить смертный его покой суетными словами похвалъ человѣческихъ, скажу только, что его богобоязненность, надежда на промыслъ Божій, смиренномудріе, кротость, его самоотверженное исполненіе пастырскихъ обязанностей, его идеально добрыя отношенія къ сотоварищамъ и сослуживцамъ пріобрѣли ему любовь всѣхъ его знавшихъ и вызвали скорбь и сожалѣніе объ его утратѣ.

17-го ноября, въ 3 часа вечера, прахъ усопшаго былъ вынесенъ въ приходскій храмъ, при довольно значительномъ стеченіи народа. Въ 5 час. вечера мѣстнымъ благочиннымъ священникомъ Георгіемъ Вышелѣсскимъ съ діакономъ Ляшкевичемъ совершено было всенощное бдѣніе (по порастасу), а на слѣдующій день литургію, помимо благочиннаго, совершали: Колпинской церкви священникъ Ксенофонтъ Одинцовъ, Кубецкой церкви священникъ Митрофанъ Ширкевичъ, Песчанской церкви священникъ Веніаминъ Безроднинъ, Ловецкой церкви священникъ Николай Просперскій и Гультяевской церкви священникъ Андрей Ширяевъ, при огромномъ стеченіи прихожанъ. За причастнымъ стихомъ поученіе сказалъ священникъ Митрофанъ Ширкевичъ, а по окончаніи литургіи поученіе было сказано священникомъ Веніаминомъ Безроднинымъ. На чинъ погребенія, кромѣ вышепомѣченныхъ свищенниковъ, выходили: Язно-Пятницкой церкви священникъ Константинъ Бѣлявскій,

Гультяевской церкви священникъ Владиміръ Овсянко и Малаховской церкви священникъ Стефанъ Журавскій. Предъ началомъ отпѣванія рѣчь была сказана мѣстнымъ благочиннымъ, а по 6 пѣсни канона рѣчь сказалъ священникъ Ксенофонтъ Одинцовъ и предъ «Пріидите послѣднее цѣловаціе»... краткую прощальную рѣчь сказалъ мѣстный діаконъ Ляшкевичъ. Пѣлъ довольно твердо и хорошо хоръ мѣстныхъ пѣвчихъ подъ управленіемъ псаломщиковъ Пясковскаго и Костко. Покойный погребенъ въ оградѣ церковной 18-го ноября почти всѣми священнослужителями округа.

О. Іоаннъ обучался въ Витебской духовной семинаріи, въ коей и окончилъ полный курсъ наукъ въ 1871 г. Назначенъ былъ наставникомъ и законоучителемъ Чайкинскаго народнаго училища, а потомъ на ту же должность былъ переведенъ къ Прихабскому народному училищу и опредѣленъ псаломщикомъ къ Прихабской церкви. 9 мая 1875 г. рукоположенъ во священника къ Граверской церкви и въ 1876 году по прошенію переведенъ къ Ливской церкви. Съ 1875 г. по 1886 г. состоялъ членомъ благочинническаго Совѣта. Съ 1881 по 1888 гг. состоялъ сотрудникомъ Епархіальнаго попечительства. Въ 1887 г. по прошенію переведенъ въ с. Неведро. Съ 1888 по 1893 г. состоялъ помощникомъ благочиннаго 3-го Невельскаго округа и съ 1891 г. по день смерти состоялъ духовникомъ въ благочиніи. Имѣлъ всѣ награды до наперснаго креста включительно и 10 ноября сего года благочинническимъ Совѣтомъ былъ представленъ къ ордену св. Анны 3-й ст.

Послѣ его смерти осталось довольно многочисленное семейство, состоящее изъ жены Агрипины Васильевой 58 лѣтъ, сыновей Петра 36 лѣтъ, по болѣзненному состоянію бывшаго съ женою своею и двумя малолѣтними дѣтьми на иждивеніи о. Іоанна, Андрея 33 лѣтъ, не имѣющаго мѣста и послѣднее время проживавшаго при отцѣ, Зиновія 32 лѣтъ, состоящаго учителемъ Завечельской второклассной церковно-приходской школы, Юліи 27 лѣтъ, состоящей въ замужествѣ за священникомъ с. Тіосто Іоанномъ Кудрявцевымъ, Николая 25 лѣтъ, обучающагося въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ и Григорія 21 года, обучающагося въ Витебской духовной семинаріи.

Благочинный 3-го Невельскаго округа,

священникъ **Георгій Вышелѣсскій**

М. В. Самочернова. 26 ноября скончалась послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни Начальница Витебскаго женскаго духовнаго училища М. В. Самочернова. Болѣе 20 лѣтъ покойная стояла во главѣ женскаго духовнго образованія Полоцкой епархіи. Не одна сотня питомицъ помянутъ добрымъ словомъ имя покойной. Отпѣваніе почившей въ училищной церкви было совершено Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Никодимомъ Епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ. Въ ближайшемъ номерѣ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» мы помѣстимъ некрологъ покойной.

Экстренное собраніе Двинскаго Александро-Невскаго церковнаго братства. 27 ноября въ г. Двинскѣ въ присутствіи командированнаго Епархіальнымъ Начальствомъ предсѣдателя Свято-Владимирскаго Братства каѳедральнаго протоіерея Алексѣя Матюшенскаго состоялось экстренное общее собраніе членовъ Двинскаго Александро-Невскаго Братства, на которомъ закрытой баллотировкой были избраны: казначеемъ братства членъ Совѣта Братства В. П. Радослововъ и дѣлопроизводитель соборный священникъ И. Пироговъ, а также были обсуждены и другія текущія дѣла. Предсѣдателемъ Александро-Невскаго Совѣта Братства избранъ и Его Преосвященствомъ утвержденъ директоръ реальнаго Двинскаго училища ст. сов. Г. И. Окошно, хорошо знакомый съ условіями жизни Западнаго края и братской дѣятельностью по прежней его службѣ въ Вильно, гдѣ работаетъ Св.-Духовское Братство.

Собраніе законоучителей средне-учебныхъ заведеній г. Витебска и городскихъ училищъ. Съ благословенія Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Никодима, Епископа Полоцкаго и Витебскаго будутъ происходить періодическія собранія законоучителей среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ для обсужденія мѣръ къ поднятію воспитательнаго вліянія Закона Божія въ сихъ училищахъ и наиболѣе лучшей постановки преподаванія. Собраніе это рекомендовано первымъ законоучительскимъ съѣздомъ, бывшимъ въ С.-Петербургѣ лѣтомъ 1909 г. и одо-

брено Св. Синодомъ. Мѣропріятія этого законоучительскаго съѣзда въ настоящее время, какъ одобренныя Св. Синодомъ, рекомендованы учебному начальству къ проведенію въ жизнь ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній. Первое собраніе законоучителей имѣетъ быть въ покояхъ Его Преосвященства подъ его руководствомъ въ половинѣ сего декабря, о чемъ всѣ законоучители въ свое время будутъ оповѣщены особыми приглашеніями.

При семъ № прилагаются объявленія о подпискѣ на журналы и газеты на 1912 годъ.

Редакторъ неоффиціальнаго отдѣла,
Каѳедральный Протоіерей **Алексѣй Матюшенскій.**

Печатать разрѣшается, 4 декабря 1911 года.
Цензоръ, преподаватель семинаріи протоіерей **В. Добровольскій.**

Печатано въ Витебской Губернской Типографіи.